

Г.Л.Погосян

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИРОДНЫХ КАТАСТРОФ

ПОГОСЯН Геворк Арамович — кандидат философских наук, директор Центра социологических исследований Академии наук Армении.

Человечество испокон веку сталкивалось с различными стихийными бедствиями: землетрясениями, ураганами, наводнениями и т.д. Существуют и так называемые антропогенные катастрофы [1, 2], которые являются прямым следствием бурной производственной деятельности современного человека. В одних случаях она приводит к нарушению относительного баланса сил в природе, что служит как бы спусковым крючком очередного стихийного бедствия, в других становится непосредственной причиной различных технологических катастроф: взрывов на предприятиях, опасных выбросов в окружающую среду, утечки вредных химических веществ, радиации, загрязнения рек и водоемов, оскудения почвы, лесных пожаров и многого другого. С расширением хозяйственной деятельности человека число больших и малых катастроф год от года растет. Их жертвами оказываются сотни тысяч, еще больше тех, кто лишается жилья, привычных условий жизни.

Благодаря средствам массовой информации люди сегодня без промедления узнают о катастрофах в самых отдаленных уголках планеты, катастрофы становятся экстраординарными явлениями повседневной жизни. В тех регионах, которые подвержены большому риску и где часто случаются различные бедствия, формируется особое отношение к катастрофам. Человек включает их в свое мышление, в свою жизнь, пытается предвидеть возможные последствия, определить свои действия. Как показало, например, исследование Р.Тернера и соавторов, население юга Калифорнии принимало активное участие в разработке концепции реального поведения в условиях постоянной сейсмической угрозы [3].

В мироощущении жителей равнинных и горных, приморских и лесных, материковых и островных районов имеются ощутимые различия. То же можно сказать о тех, кто живет в зонах с повышенным природным риском, и тех, кто обитает на "спокойных" территориях. При этом естественно, что жители приморских селений опасаются шторма, в сейсмоактивных районах боятся землетрясений, а там, где не редкость затяжные дожди, наводнений. Все это неведомо населению "спокойных" районов.

Подобные страхи и опасения со временем приобретают социальный характер. Постепенно они переносятся в сферу быта, в структуру повседневной жизни, закрепляются в местных обычаях и правилах, например, касающихся застройки жилища. В результате складывается то, что российские социологи именуют "субкультурой катастрофы" [4, 5]. (Скажем, в Армении никогда не ставят на высокие места тяжелые или бьющиеся предметы, а тяжелым люстрам предпочитают легкие светильники.) Правда, социальная память может притупиться, ослабнуть. Бдительность утрачивается, что усугубляет последствия катастрофы.

Природные бедствия воздействуют не только на общественное сознание, но нередко и на ход социальных процессов. Истории известно немало случаев, когда за разгулом стихий следовали социальные взрывы, политические перевороты, смена властей. После изнурительной засухи или извержения вулкана начинались войны, гражданские распри, представлявшие собой как бы продолжение природного напряжения в социальном пространстве. Очевидно, что между стихийными и социальными катаклизмами есть

определенная связь. М.Браун и Э.Голдинг в книге о коллективном поведении посвятили специальную главу, где обсуждаются вопросы политических изменений в обществе после катастрофы. Так, сильный ураган под именем "Харрикен Андриу" породил в 1963 году новые, более суровые конфликты, чем те, которые существовали прежде. Сравнительное исследование четырех торнадо показало, что во время катастрофы контроль властей над ситуацией нередко полностью теряется, и чтобы его восстановить, нужно приложить немало усилий [6]. После аварии на Чернобыльской АЭС наблюдались серьезные социальные отклонения, рост социальной напряженности, четко выраженные миграционные тенденции [7, 8].

Учитывая сказанное, необходимо, на наш взгляд, изменить стратегию и подходы к исследованиям катастроф, особенно к рекомендациям, касающимся восстановительного периода, возврата к нормальному состоянию. Как правило, социологи изучают поведение различных социальных групп после катастрофы, взаимоотношения с местными властями и службами оказания экстремальной помощи. Однако то, что приемлемо для индустриально развитых стран и стабильных социальных систем, далеко не всегда "срабатывает" в слаборазвитых странах и нестабильных обществах. Кроме того, поскольку политическая и социальная дестабилизация, которая нередко наступает после стихийного бедствия, оказывается для общества гораздо опаснее, при разработке восстановительных программ данное обстоятельство просто нельзя сбрасывать со счетов. В результате долгих и плодотворных дебатов термин "катастрофа" (или "бедствие") стал рассматриваться специалистами в четырех его главных значениях: 1) как физический фактор, 2) как последствия физического фактора, 3) как направление, по которому идет воздействие этого фактора, и, наконец, 4) как социальный распад, вызванный таким воздействием [9]. По справедливому замечанию Э.Карантелли и Р.Дайнса, в научной литературе катастрофа имплицитно или эксплицитно анализируется как изначально социальный феномен, и поэтому объяснима в социальных терминах [10].

Проведенное нами социологическое исследование после разрушительного землетрясения в Армении в 1988 году свидетельствует, что социальный, экономический и политический кризис не заставил себя долго ждать, более того, он нанес не меньший вред, чем само землетрясение. Не затрагивая здесь вопроса о связи этого действительно беспрецедентного стихийного бедствия и последовавших за ним социальных катаклизмов, ощутимых и по сей день, тем не менее можно с уверенностью утверждать, что их нужно изучать в единых методологических рамках. Общество испытало на себе удар как природных сил, так и социальных потрясений, и потому исследовать их воздействие по отдельности по крайней мере нецелесообразно. Речь идет не об обособленных явлениях, а о цепи катастрофических событий, обрушившихся на общество на данном историческом отрезке времени. Сразу же отметим, что, по нашему мнению, связь между стихийными и социальными бедствиями носит не только хронологический, но зачастую более глубокий, латентный характер.

В качестве иллюстрации к тому, что необходимо комплексное изучение накладывающихся друг на друга воздействий природных и социальных катаклизмов, обратимся к материалам, полученным в Центре социологических исследований Армянской национальной академии наук. Землетрясение 7 декабря 1988 года унесло 25 тыс. жизней, оставило без крова 500 тыс. человек, разрушило более тысячи зданий, вывело из строя практически 40% промышленности республики. Земные толчки силой в 6,9 баллов по шкале Рихтера охватили всю северную часть Армении. В первые же недели из зоны бедствия было эвакуировано 114 тыс. человек, многие выехали самостоятельно. После землетрясения Армению покинули практически все проживавшие здесь азербайджанцы, около 200 тыс. человек. Межнациональный конфликт в Нагорном Карабахе не утих, а наоборот, еще сильнее обострился из-за большого количества беженцев и жертв с обеих сторон, из-за блокады Азербайджаном автомобильных и железных дорог, по которым Армении поступала международная гуманитарная помощь.

Масштабы катастрофы были огромными. Однако не менее катастрофическими оказались последовавшие за ней события. Эскалация межнационального конфликта вылилась в самую настоящую кровопролитную войну, которая требовала колоссальных средств. Все внутренние социальные проблемы, в том числе проблемы восстановления разрушенных районов, отошли на второй план. Блокада железных, автомобильных дорог и газопровода, подающего российский газ через территорию Азербайджана в Армению, практически привела к остановке строительных работ в зоне землетрясения. Промышленность республики была полностью парализована. А вскоре произошел распад СССР, что тоже вызвало социальное потрясение огромной силы. Крушение империи, каким бы освободительным пафосом оно ни сопровождалось, по своему воздействию на обитающие в ней народы относится к событиям катастрофического характера. Разорвались привычные экономические связи между республиками, появились новые преграды в виде таможенных пошлин, различий в курсах национальных валют и др. Сотни тысяч представителей инационального населения стали беженцами, будучи вынужденными мигрировать из мест постоянного проживания. Миллионы людей оказались без работы. В Армении, например, безработица достигла в 1994 году 15%. В течение двух-трех лет уровень жизни резко упал. Введение элементов рыночной экономики привело к фантастическому росту цен при мизерной зарплате занятых в государственном секторе. 70-80% населения оказалось ниже уровня бедности. Бывали периоды, когда инфляция национальной валюты достигала 400% в месяц.

Цепь трагических событий ввергла тысячи людей в затаянную бедственную ситуацию, поставила под угрозу вымирания науку, искусство, образование, здравоохранение. Многие ученые, артисты, преподаватели вынуждены были уйти в коммерцию, в частный сектор. По данным наших опросов, за последние два-три года из 3,5-миллионного населения республики около 500 тыс. эмигрировали в Россию и другие страны [11]. Масштабы катастрофы, постигшей Армению, трудно описать в небольшой статье. Это не только обнищание масс, безработица и миграция населения, но и глубокое разочарование людей, переоценка ценностей, кризис властей, политическое и социальное отчуждение, развитие ностальгических настроений возврата в прежнее коммунистическое прошлое.

Изучение взаимодействия социальных и природных процессов выходит за рамки социологии катастроф, хотя именно в катастрофических ситуациях такое взаимодействие дает о себе знать в наиболее отчетливой форме. В современной социологической теории сложилось несколько пренебрежительное отношение к "физическим" измерениям общественной жизни и среды обитания. Однако взаимодействие природных и социальных факторов остается концептуальным ядром объяснения многих общественных изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Порфирьев В.Я. Чрезвычайные ситуации как следствие НТР: Методический аспект // Сборник трудов ВНИИСИ. Вып.5. М., 1988.
2. Пригожий А.И. Социодинамика катастроф // Социологические исследования. 1989. №3.
3. Turner R., Nigg J., Paz D. Waiting for Disaster: Earthquake Watch in California. San Francisco: University of California Press, 1986.
4. Несветайлов Г.А. Чернобыль с точки зрения социологии катастроф // Вестник РАН. 1992. №4.
5. Мозговая А.В. Экологическое сознание и поведение // Социальные проблемы экологии. Вып.7. М.: ИС РАН, 1993.
6. Brown M., Golding A. Collective Behaviour: A Review and Reinterpretation of the Literature. Pacific Palisades: Goodyear Publishing Company, 1973.
7. Бабосов Е.М. Боль Чернобыля // Социологические исследования. 1992. № 6.

8. Чернобыльская катастрофа: причины и следствия: В 4-х томах. Минск: Скорына, 1992.
9. Dynes R. Organized Behaviour in Disaster. Delaware: Disaster Research Center, 1974.
10. Quarantelli E., Dynes R. Response to the Social Crisis and Disaster // Annual Review of Sociology. 1977. № 3.
11. Погосян Г.А. Судьба армянина в Армении // Социологические исследования. 1994. № 6.